

ТЕРАПИЯ

Memento Mori

СЕСИЛИЯ
СУАРЕС

18+

Сесилия Суарез

Терапия

<https://litres.ru/74173562>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дочь олигарха ставит ультиматум новому психологу: либо он спит с ней, либо она обвинит его в домогательствах. Он предлагает заключить пари, что она сдастся первой. Но кто с кем играет?

Содержание

Глава 1. Игра на вылет	4
Глава 2. Договор на коленях	19
Глава 3. Утро серого волка	34
Глава 4. Игры с огнём	45
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Терапия

Глава 1. Игра на вылет

Сибирь. Интернат «Северный Кедр»

Я просыпаюсь с предвкушением.

Это странное чувство — как будто внутри меня кто-то раздувает воздушный шарик. Не злой, нет. Весёлый. Потому что сегодня я знаю: этот психолог не продержится и недели. Ни один не продержался. Четвёртый по счёту. Я всех их доводила. И этого доведу. Небось сейчас он сидит один, пьёт свой чай и нервно оглядывается, как мышь, которая чувствует приближение кота.

Три месяца я здесь. Три месяца, четырнадцать дней и, если быть совсем точной, шесть часов. Но кто считает?

Я считаю.

Потому что время здесь течёт, как кровь из пореза — медленно, противно, и ты всё ждёшь, когда же, наконец, наступит обморок и всё закончится.

— Ты улыбаешься, — Кристина уже одета, сидит на кровати и подкрашивает губы. — Это пугает. Когда ты улыбаешься так, кто-то обязательно умрёт.

Кристине семнадцать, она здесь за разврат — спала с учителем физкультуры в прошлой школе. И с трудовиком. Но трудовик был женат на директрисе, так что Кристину сосла-

ли в Сибирь перевоспитываться. Мы здесь все за разврат, за воровство, за наркотики, за то, что родителям надоело платить адвокатам. Но общаюсь я только с Кристиной, потому что она моя соседка, и она норм. И с Кириллом, красивым и пустоголовым парнем. Он тут из-за наркотиков и алкоголя. Иронично, что именно он может пронести в интернат абсолютно все.

— Никто не умрёт, — я потягиваюсь, сладко, как кошка после долгого сна. — Просто сегодня у меня сеанс с Дмитрием Борисовичем. И я хочу его немного развлечь.

— Развлечь? — Кристина поднимает бровь. — В прошлый раз ты «развлекла» Марину Ивановну до нервного тика. У неё глаз дёргался три дня.

— Марина Ивановна была душная, — я сажусь на кровати, поправляю ночную рубашку. — Она всё время говорила про «психоанализ детских травм». Я ей предложила проанализировать, почему её муж ходит налево.

— Ты злая, — Кристина качает головой, но в глазах у неё смех.

— Я справедливая, — я встаю и иду в душ. — Если человек не может справиться с правдой, ему не место в психотерапии.

Душ сегодня тёплый — чудо, случающееся раз в полгода. Я стою под струями, закрываю глаза и представляю. Как я войду в кабинет. Как сяду в кресло напротив. Как начну свою игру.

Дмитрий Борисович. Лет сорока, лысеющий, с брюшком. Носит очки в тонкой оправе и вечно поправляет галстук, когда нервничает. Я заметила это ещё в столовой: он поправил галстук семь раз за десять минут. Мой личный рекорд — прошлый психолог мужчина поправлял три раза. Этот его переплюнул.

«Значит, нервный, — думаю я, намыливаясь гелем для душа. — Нервный, женатый, с маленькими детьми. Наверное, даже не целовал жену последние полгода».

Я провожу руками по своему телу — грудь, живот, бёдра. Я знаю, что красивая. Не идеальная, нет. Нос с горбинкой, худые плечи, слишком острые ключицы. Но у меня есть то, что действует на мужчин. Я знаю, как смотреть. Как поправлять волосы. Как облизывать губы, якобы невзначай.

Сегодня я во всеоружии.

Столовая. 9:15 утра

Я вхожу в столовую, и все взгляды приковываются ко мне. Белая блузка, расстёгнутая на три пуговицы так, чтобы кружево бюстика было видно, серая юбка, которая задирается, когда я сажусь. Волосы распущены, влажные после душа.

Кирилл давится овсянкой.

— Ева, — Кристина смотрит на моё декольте. — Ты замёрзнешь.

— Мне жарко, — я сажусь к ним за столик, беру её кружку с чаем.

— Там на улице минус пятнадцать.

— А здесь плюс двадцать пять, — я отпиваю чай. — Где мой Дмитрий Борисович?

— Сидит в углу, — Кирилл кивает. — И уже поправил галстук раз десять.

Я поворачиваю голову. Психолог сидит за дальним столиком, один. Перед ним тарелка с кашей, но он не ест. Он смотрит в свой телефон, но я вижу, как его глаза бегают по сторонам. Он знает, что я здесь. Он меня боится.

— Иди, — Кристина подталкивает меня локтем. — Покажи ему, где раки зимуют.

— Невежливо, — я встаю, поправляю юбку и иду к его столику.

— Дмитрий Борисович? — я встаю напротив психолога. Он поднимает голову, и его очки сползают на нос. Он поправляет их дрожащей рукой.

— Ева? — его голос как скрип несмазанной двери. — Привет. Садись, пожалуйста.

— Спасибо, — я сажусь напротив и скрещиваю ноги так, что юбка задирается выше колена.

Он краснеет. Отводит взгляд. Снова поправляет галстук. «Игра началась», — думаю я.

— Вы не едите, Дмитрий Борисович, — замечаю я. — Не нравится каша?

— Нет, то есть да, — он мнётся. — Я просто не голоден. — А я голодна, — я беру его ложку, поддеваю кашу и отправляю в рот. Нарочно медленно, облизывая ложку языком.

Он краснеет ещё сильнее. Я вижу, как на его лбу выступает испарина.

— Ева, — его голос срывается. — Может, мы перенесём сеанс? Я чувствую себя неважно.

— О, нет! — я делаю очень грустное лицо. — Я так ждала этого сеанса! Я кое-что хочу рассказать, мне снится постоянно один и тот же сон и мне важно знать, что это означает. Вопрос жизни и смерти. Давайте через пятнадцать минут в вашем кабинете.

— Хорошо, — он встаёт, слишком резко.

Уходит, чуть не споткнувшись о стул.

Я поворачиваюсь к Кристине и Кириллу. Они оба смотрят на меня с открытыми ртами.

— Что? — я пожимаю плечами. — Я просто спросила про кашу.

— Ты монстр, — говорит Кирилл.

— Я знаю, — я допиваю чай психолога и встаю. — Ладно, пора. Меня ждут.

Кабинет психолога. 9:30 утра.

Я стучусь.

— Войдите, — голос Дмитрия Борисовича звучит так, будто он сейчас заплачет.

Я вхожу. Кабинет маленький, душный. На стенах — дипломы в рамках. На столе — аккуратная стопка бумаг, чашка с чаем и коробка конфет. Он явно готовился.

— Садись, Ева, — он указывает на кресло для пациентов.

Я не сажусь. Я прохаживаюсь по кабинету, разглядываю дипломы.

— Вы учились в МГУ? — спрашиваю я. — Это престижно.

— Да, — он немного расслабляется. Тема учебы безопасная. — Я закончил с отличием.

— А почему не работаете по специальности? — я поворачиваюсь к нему. — Психолог в интернате для проблемных подростков — это не очень-то почётно.

Он сглатывает.

— Мне нравится помогать детям, — говорит он, но я вижу, как дрожат его руки.

— Детям? — я подхожу к его столу. — Мне восемнадцать через пару недель. Я не ребёнок.

— Ты ещё несовершеннолетняя, — напоминает он. — И нуждаешься в помощи.

— В помощи? — я сажусь на край его стола. Прямо на бумаги. — А что вы можете мне предложить, Дмитрий Борисович? Дружеское плечо? Или что-то большее?

Я красноречиво опускаю взгляд в область его ширинки. И поднимаю обратно к лицу. Он краснеет. Я вижу, как его кадык дёргается.

— Ева, это не профессионально

— А что профессионально? — я наклоняюсь ближе. Он отшатывается. — Вы — психолог. Я — проблемная девочка. Мы вместе должны найти мой внутренний конфликт. Мо-

жет, он в том, что меня никто не любит?

— Я уверен, тебя любят родители.

— Мама умерла, когда мне было пять, — я смотрю на него. — Отец меня сослал сюда, потому что я посмела сказать его новой жене правду в глаза. Кто меня любит, Дмитрий Борисович? Вы?

— Я... я... — он вскакивает. — Я не могу.

— Не можете что? — я тоже встаю и обхожу стол. — Не можете ответить на простой вопрос?

— Ева, пожалуйста, сядь в кресло, — он отступает к стене.

Я подхожу ещё ближе.

— А если я не хочу сидеть? — я почти касаюсь его грудью.

— Если я хочу стоять? Или, может, лежать? На вашем столе, например.

Он бледнеет.

— Я вызову директора, — его голос дрожит.

— Вызывайте, — я пожимаю плечами. — И скажете ему, что не справились с семнадцатилетней девушкой. Что испугались. Что сбежали.

— Я не сбегаю.

— А что вы делаете? — я смотрю на его руки. Они дрожат.

— Вы стоите у стены и трясётесь, как заяц. Я не кусаюсь, Дмитрий Борисович. Если только вы сами не попросите. Или именно это вы и хотите попросить?

Я улыбаюсь, обнажая зубки. Он срывается.

Бежит к двери, открывает её и вылетает в коридор. Я слы-

шу, как его шаги затихают вдалеке.

Стою одна в его кабинете.

Улыбаюсь.

— Четвёртый, — говорю я вслух. — Легкотня.

Я поправляю юбку, забираю коробку конфет (зачем добру пропадать?) и выхожу в коридор.

Кристина уже ждёт.

— Он выбежал как ошпаренный, — шепчет она. — Что ты ему сказала?

— Предложила лечь на стол, — я открываю коробку и беру конфету. — Шоколадные. Будешь?

— Ты ненормальная, — Кристина берёт конфету.

— Я гений, — поправляю я.

Мы идём по коридору, и я чувствую, как внутри меня разливается сладкое чувство победы.

Ещё немного — и отец заберёт меня отсюда. Потому что больше некому будет меня лечить. Потому что все психологи разбегутся.

И тогда он, наконец, обратит на меня внимание. Ему придется. Пусть через скандал. Пусть через крик. Пусть через угрозы.

Кабинет директор интерната. 14:00.

Меня вызывают к директору.

Я знала, что так будет. Дмитрий Борисович, видимо, успел нажаловаться.

Кабинет директора Громова — это музей советского ве-

личия. Портреты, флаги, огромный стол из красного дерева. Сам Громов — мужчина лет пятидесяти, с сединой на висках и вечно недовольным лицом. Он сидит в кресле, сложив руки на груди, и смотрит на меня так, будто я — таракан, которого он хочет раздавить.

— Ева, — он даже не предлагает сесть.

Я сама сажусь. Напротив него. Складываю ногу на ногу. Блузка застегнута, юбка не задирается. Все чинно благородно.

— Я слушаю вас, Виктор Петрович.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвал, — он смотрит на меня поверх очков.

— Понятия не имею, — я смотрю на него с самым невинным видом.

— Дмитрий Борисович уволился, — говорит он. — Только что. Написал заявление. Сказал, что не может работать в таких условиях.

— В каких?

— В условиях постоянных домогательств со стороны пациентки, — Громов сжимает подлокотники кресла. — Он сказал, что ты приставала к нему. Садилась на стол. Расстёгивала блузку. Предлагала лечь.

— Я предлагала ему лечь на стол? — я делаю вид, что вспоминаю. — Ах да. Я предложила ему полежать на столе для релаксации. У него был такой уставший вид. Я хотела помочь.

— Ева!

— Что? — я пожимаю плечами. — Он не так понял. Это не моя вина, что у него богатая фантазия.

Громов снимает очки и трёт переносицу. Я вижу, что он устал. Устал от меня. Устал от интерната. Устал от жизни.

— Это четвёртый психолог за два месяца, — говорит он устало. — Четвёртый, который уволился из-за тебя. Я не знаю, где я буду брать новых. Их не хватает уже. Ты сложная.

— Я не сложная, — я смотрю на свои руки. — Я просто хочу домой.

— Домой? — он усмехается. — Твой отец не хочет тебя видеть. Он сам сказал: «Делайте с ней что хотите, только чтобы из интерната не сбежала и не позорила меня».

Я чувствую, как внутри меня всё закипает.

— Он не мог этого сказать, — мой голос дрожит.

— Мог, — Громов надевает очки. — И сказал. Так что не жди, что он придёт за тобой с распростёртыми объятиями. Он заплатил за твоё содержание на два года вперёд. Ты здесь надолго, Ева.

— А если я буду вести себя ещё хуже? — я смотрю на него. — Если я буду бить стёкла, разводить костры, звонить в полицию с ложными доносами?

— Тогда ты поедешь к отцу домой, — Громов смотрит мне в глаза. — В Москву. Под домашний арест. С конвоем и без права выходить на улицу.

Я замираю.

— Это угроза?

— Это обещание, — он встаёт. — Ева, я понимаю, тебе тяжело. Но то, что ты делаешь, разрушает не только твою жизнь, но и жизнь других людей. Ты умная девушка. Ты должна это понимать.

— Я ничего не должна, — я тоже встаю. — Это вы все должны мне. Потому что вы взрослые, а я — ребёнок, которого бросили.

Громов вздыхает.

— Иди, Ева, — говорит он. — Завтра приедет новый психолог. Более опытный. Я надеюсь, ты с ним поладишь.

— Я никогда ни с кем не лажу, — я иду к двери. — Вы это знаете.

— Знаю, — он кивает. — Поэтому просто надеюсь.

Я выхожу из кабинета и иду по коридору.

В груди — пустота. Только где-то глубоко, на самом дне, тлеет искра.

Отец сказал: «Делайте с ней что хотите». Он не придёт. Даже если я сожгу интернат, он не придёт.

— Ева? — Кристина ждёт меня у нашей комнаты. — Ты как? Что сказал директор?

— Сказал, что новый психолог приедет завтра, — я захожу в комнату и падаю на кровать.

— И что?

— И что я поеду к отцу, если буду вести себя ещё хуже, — я смотрю в потолок.

— А ты этого не хочешь? — Кристина садится рядом.

— Хочу, — я закрываю глаза. — Хочу, чтобы он, наконец, на меня посмотрел. Хоть с ненавистью. Хоть с чем-то. Лишь бы не как на пустое место. Вот такой психоанализ, доктор Фрейд.

— Ева, — Кристина берёт меня за руку. — Ты самая сильная девушка, которую я знаю. Но ты самая глупая. Потому что ищешь любовь там, где её нет.

— А где она есть?

— Не знаю, — Кристина пожимает плечами. — Может, ты её ещё не встретила.

Я открываю глаза.

— Ты веришь в любовь?

— Верю, — она улыбается. — Иначе зачем жить? А пока мы не нашли любовь, надо максимально наслаждаться сексом.

Я смотрю на неё.

— Ты смешная.

— Я мудрая, — она встаёт. — Пойдём в столовую. Там дают пирожные. С кремом.

— Не хочу.

— Надо, — она тащит меня за руку. — Пирожные с кремом лечат всё. Даже разбитое сердце.

— У меня не разбитое сердце. У меня его вообще нет.

— Врёшь, — Кристина открывает дверь. — Уши красные.

Я иду за ней, улыбаясь.

Пирожные и правда вкусные. С кремом.

Но внутри меня всё равно пусто.

Завтра придет новый психолог. Посмотрим, сколько он продержится.

Ночь. Комната. 23:00.

Я лежу в кровати, смотрю в потолок.

Кристина спит. Она всегда спит так крепко, что её можно выносить из комнаты вместе с кроватью, и она не проснётся.

Мне не спится.

Я думаю об отце. О том, что он сказал директору. О том, что он не придет. Никогда.

Зачем я тогда стараюсь? Зачем довожу психологов? Зачем разбиваю стёкла и шантажирую учителей?

Чтобы он заметил. Чтобы он приехал и сказал: «Ева, ты позоришь меня. Прекрати. Ты моя дочь, веди себя соответственно».

Хотя бы так.

Хотя бы грубо что-то сказал. Или наорал. Показал мизерную эмоцию. Показал, что я ему не безразлична.

Я закрываю глаза и представляю его лицо. Такое же холодное, как всегда. Без эмоций. Без любви.

— Папа, — шепчу я в темноту. — Почему ты не любишь меня?

Ответа нет.

Только Кристина всхрапывает в соседней кровати.

Я поворачиваюсь на бок и засыпаю.

Мне снится бассейн.

Тёмная вода.

Тень наверху.

Липкий страх сковывает все тело.

Я тону.

Следующий день.

День тянется медленно.

Я сижу на подоконнике в холле, смотрю в окно и жду.

Нового психолога зовут Лев Тихонов. Говорят, он бывший военный. Кирилл все разузнал. Это интересно. Военные обычно крепкие. Их сложнее сломать.

Посмотрим.

К вечеру я уже теряю надежду. Сажусь в комнате, листаю книгу, ничего не читая.

Вдруг слышу шум у ворот. Подхожу к окну.

Чёрная машина. «Лексус». Из неё выходит мужчина.

Высокий. Широкоплечий. Короткие тёмные волосы, седина на висках. На нём чёрный костюм, белая рубашка без галстука.

Он смотрит на интернат так, будто это его собственность.

И я чувствую: этот будет другим.

— Кристи, — зову я. — Кристи, иди сюда!

— Что? — она подходит к окну.

— Смотри, — я указываю на мужчину. — Новый психолог.

— Ничего так, — Кристина присвистывает. — Горячий.

Я бы с ним занялась очень грязными делишками.

— Это не важно, — я смотрю, как он идёт к входу. — Важно, как быстро он сломается.

— А если не сломается?

Я смотрю на Кристину.

— Не сломается — значит, будет еще более интересно.

Она улыбается.

Глава 2. Договор на коленях

Интернат «Северный Кедр». 23:47

— Ева, твоя очередь, — Кристина кидает мне полотенце. Розовое, синтетическое, воняет дешёвой фиалкой. — И не вздумай плескаться больше пятнадцати минут. У нас общий душ на всех, а не спа-салон твоего папочки.

— У моего папочки, Кристи, — поправляю я, лениво растягивая слова, — спа-салон на Мальдивах. Со шведским столом и массажистами-финнами. Хочешь, скажу ему, чтобы пригласил тебя на выходные?

Кристина закатывает глаза.

— Твой папочка, — Кристина поправляет волосы, — забыл, как тебя зовут. Он в прошлом месяце перевёл деньги на счёт интерната с пометкой «Алиса Морозова». Я видела квитанцию.

Бьёт точно в сердце. Но я не показываю.

— Алиса — моя мёртвая мать, — говорю я ровно. — Он просто скучает.

Кристина открывает рот, чтобы ответить, но я уже захлопываю дверь душевой.

Мать умерла, когда мне было пять. Рак. Я почти ничего не помню — только запах жасминовых духов и холодные пальцы, гладящие мой лоб. Отец не скучает. Отец коллекционирует женщин. А меня он сослал сюда, потому что я посмела

сказать его новой пассивности, что её силиконовые губы похожи на задницу бабуина.

Душ работает из последних сил, напор такой, будто интернет экономит на всём, включая гравитацию. Вода ледяная. Я стою под ней, стуча зубами, и пытаюсь не думать о том, что сегодня мне приснился тот же кошмар. Бассейн. Тёмная вода. Я тону, а надо мной чья-то тень. Я просыпаюсь в три утра, как по будильнику, и больше не засыпаю.

Вот и сегодня — проснулась в три, до семи смотрела в потолок.

Психолог. Ещё один. Никто не смог мне помочь. Все слабые какие-то, не профессиональные. И где Громов таких находит?

За два месяца их сменилось четверо. Первый орал на меня так, что я затыкала уши. Второй пытался подружиться — я сломала его любимую кружку с надписью «Лучший психолог года». Третий, молодой и симпатичный, предложил мне «исследовать мою сексуальность через рисунки». Я нарисовала ему пенис в рамке и попросила повесить на стену.

Готовься, Тихонов. Будет весело.

Я вытираюсь розовым полотенцем, надеваю пижаму (шёлк, папин подарок на прошлое Рождество — он тогда был в хорошем настроении, потому что развёлся с женой номер три). Я выбрала эту пижаму потому, что чувствую себя в ней красивой. Она не очень открытая, но оставляет место воображению. Шелк прохладно касается кожи. Я провожу рукой

от груди к животу и улыбаюсь. Выхожу в коридор.

Почти двенадцать вечера. Тихий час, но тишины здесь не бывает. Из комнаты мальчишек доносится рэп, кто-то курит в туалете, и запах дыма тянет в коридор. Родители отвалили за каждого из нас кучу бабла, и руководство интерната не сильно донимает нас правилами. Понимают, что бесполезно. Главное правило - не выходить из интерната.

Мне скучно.

Скука — это хуже, чем холод. Хуже, чем одиночество. Хуже, чем знать, что отец даже не вспомнит моё имя, если завтра я умру.

Я иду по коридору босиком — кафель ледяной, но мне нравится чувствовать хоть что-то. Я сворачиваю в крыло администрации.

Психологический кабинет на втором этаже. Дверь приоткрыта, и в щель пробивается жёлтый свет. Он раскладывает вещи.

Я знаю, что мне нельзя туда. Меня предупреждали: новый психолог — бывший военный, не шути с ним, Ева. Но когда мне что-то нельзя, я делаю это вдвойне активнее.

Толкаю дверь.

Он сидит за столом.

Я ожидала увидеть очередного хлюпика в очках или старого пердуна с красным носом. Но этот этот был другим.

Мужчина лет тридцати-сорока сидит за столом. Тёмные волосы коротко стрижены, почти ёжиком, но на висках —

благородная седина, которая делает его похожим на волка, пережившего не одну зиму. Плечи широкие — пиджак сидит так, будто сшит на заказ, а под ним угадываются мышцы, которые не накачивают в тренажёрном зале. Такие мышцы бывают у тех, кто таскал на себе людей из огня.

Я задерживаю взгляд на его руках.

Длинные пальцы, чистая кожа, никаких колец. Он что-то пишет на листе. Он не поднимает головы, когда я вхожу. Просто продолжает писать, и я слышу, как грифель скрипит по листу.

Это бесит.

— Привет, — говорю я, прислоняясь плечом к дверному косяку. — Ты новенький?

Тишина.

— Эй, я с тобой разговариваю.

Он ставит подпись, откладывает лист.

— У тебя что, уши отключили? — я повышаю голос. — Я, между прочим, дочь Александра Морозова. Если я скажу отцу, что ты меня игнорируешь, он купит этот интернат и выпшвырнет тебя на улицу.

Теперь он поднимает голову.

И я застываю.

Потому что его глаза серые и холодные, с такими светлыми радужками, что кажутся почти прозрачными. В них нет ни капли эмоций. Пустота. Абсолютная, вымораживающая пустота, которая хуже, чем крик. Я привыкла к крику.

Я умею отвечать на крик. Но на тишину — нет.

— Морозова, — произносит он низким голосом, и я чувствую этот звук не ушами, а где-то в животе. — Восемь часов вечера. Ты нарушила режим. Не надела обувь. И используешь имя своего отца, чтобы шантажировать сотрудников.

Он встаёт.

Ого, высоченный. Из окна это не видно было. Я метр семьдесят три, и сейчас, когда он выпрямляется, я чувствую себя ребёнком, которого поймали за руку с банкой варенья.

— Что тебе нужно? — спрашивает он. Без угрозы. Просто вопрос.

Я теряюсь на секунду. Но только на секунду.

— Хочу познакомиться, — я пожимаю плечами и захожу в кабинет. Наступаю на ковёр — мягкий, дорогой, явно не интернатское барахло. — Видела, как ты въезжал. На чёрном «Лексусе». Классная тачка. В кредит взял?

Он не отвечает. Просто смотрит, и этот взгляд раздевает меня медленнее, чем любой мужской взгляд, который я видела раньше.

— Неплохо обустроил кабинет, — продолжаю я, кружась по комнате. — Кожаное кресло. Дорогой стол. И даже диван. — Я киваю на чёрный диван у стены. — Удобный? Часто спишь на работе? Или только с пациентами?

— Морозова.

— Просто Ева. Мы же теперь тут вместе заперты. Ты лежишь мою голову, я порчу твою карьеру. Так это работает.

Я сажусь на край его стола. Опираюсь на руки, откидывая голову назад, и шёлк пижамы скользит, обнажая чуть больше на груди, чем позволяют приличия.

Он делает шаг ко мне. Ого, не от меня, а ко мне! Обескураживает...

Один шаг — и его запах ударяет в нос. Древесина, табак, что-то пряное, как корица, и ещё — холод. Запах настоящего мороза.

— Слезь со стола, — говорит он тихо.

— А то что? — я улыбаюсь своей лучшей улыбкой — той, которая заставляла учителей в школе краснеть и отворачиваться. — Позовёшь охрану? Папаше моему пожалуешься? Ой, я забыла, у тебя же нет папиного телефона.

Он наклоняется.

Теперь наши лица в сантиметре друг от друга. Я вижу каждую морщинку вокруг его глаз. И татуировку на шее — маленькую, прячущуюся за воротником рубашки. Что там?

— Слушай меня внимательно, — шепчет он. — Я работал в горячих точках. Я видел, как люди умирают медленно и как они умирают быстро. Я вытаскивал подростков из секс-рабства и возвращал их родителям. Я не боюсь ни твоего отца, ни тебя.

Его пальцы поднимаются и сжимают мой подбородок так, что я чувствую давление, но не боль.

— У тебя есть десять секунд, чтобы убраться из моего кабинета. Если нет — я вынесу тебя на руках и запру в твоей

комнате. Поняла?

Моё сердце колотится где-то в горле.

Я должна испугаться. Должна отшатнуться, сорваться с места и убежать, хлопая босыми пятками по ледяному кафелю. Он же на это рассчитывает?

Но вместо этого я чувствую жар.

Жар, который разливается от его пальцев на моём подбородке по всему телу, опускается в живот, вниз, между ног, и я удивляюсь этой реакции.

— Десять, — считает он. — Девять. Восемь.

— А если я не хочу уходить? — выдыхаю я.

— Семь. Шесть.

— Ты не тронешь меня.

— Пять. Четыре.

— Или, может, ты хочешь, чтобы я осталась? — шепчу я.

— Может, тебе надоело быть хорошим мальчиком?

— Три.

— Трахни меня, — говорю я.

Он замирает.

Абсолютно. Даже глаза перестают моргать.

— Что? — переспрашивает он после паузы, которая длится целую вечность.

— Трах-ни ме-ня, — повторяю я медленно, смакуя каждое слово. — А взамен я не скажу отцу, что ты меня лапал на первом же сеансе.

Его пальцы отпускают мой подбородок.

Он отшатывается на шаг, и я вижу, как на его скулах заиграли желваки.

— Ты, — он замолкает и трёт переносицу большим и указательным пальцами. Жест усталости. Или раздражения. — Ты серьёзно?

— Абсолютно, — я спрыгиваю со стола и подхожу к нему вплотную. — Смотри, как это работает, Лев Сергеевич. Я — плохая девочка. Ты — строгий психолог, который должен меня исправить. Но вместо исправлений ты вдруг начинаешь ко мне приставать. Я звоню папе, плачу в трубку. Папа звонит директору. Директор тебя увольняет. Ты остаёшься без работы. Я остаюсь без занятий. Все счастливы.

— Кроме меня, — замечает он.

— А тебя кто-то спрашивал? — я улыбаюсь.

Он смотрит на меня долго. Так долго, что я начинаю нервничать — неужели он сейчас вызовет полицию? Или, что еще хуже, согласится?

Но Лев Тихонов делает нечто иное.

Он улыбается.

Улыбка у него красивая, с ямочкой на левой щеке, которую почти не видно из-за щетины. И эта улыбка пугает меня больше, чем его пустые глаза.

— Знаешь, Морозова, — говорит он, и его голос вдруг становится мягким, почти ласковым. — А я ведь тебя раскусил.

— Что? — я хмурюсь.

— Ты не хочешь, чтобы тебя трахнули, — он скрещивает руки на груди. — Ты хочешь, чтобы тебя выгнали из интерната. Ты хочешь вернуться в Москву, к папочке, который тебя не ждёт. Поэтому ты провоцируешь каждого нового психолога. Чтобы они увольнялись. И чтобы тебя исключили.

Я тупо таращусь на него.

Это правда. Но как он догадался? За пять минут?

— Ты не первая, кто пробует этот трюк, — продолжает он, обходя стол и садясь в кресло. — Разница в том, что другие хотя бы придумывали оригинальные способы. Шантаж изнасилованием? Серьёзно? Это уровень средней школы, Ева. Я слушал Громова, какая ты изобретательная и ожидал большего. Обидно.

Ярость закипает во мне.

— Ты! Ты не смеешь меня оценивать! — выпаливаю я. — Ты вообще кто такой? Психолог из помойки? У тебя даже диплома нет, наверное!

— Есть, — спокойно отвечает он. — Три. Два медицинских и один педагогический. Хочешь посмотреть?

— Я хочу, чтобы ты проваливал отсюда!

— Ну, не всем желаниям суждено сбыться, — он садится за стол, откидывается на спинку кресла и смотрит на меня снизу вверх. — Знаешь, почему я согласился работать в этой дыре? Не из-за денег. У меня их достаточно. А потому что мне сказали, что здесь учится дочь человека, который уничтожил мою карьеру пять лет назад.

Я замираю.

— Что?

— Твой отец, достопочтенный господин Александр Морозов, — Лев берёт со стола ручку и начинает крутить её в пальцах. — Пять лет назад он лечился у меня от панических атак. Я помог ему, хотя он и не долечился. А потом он узнал, что я отказался давать ложное заключение на его конкурента. И он подставил меня. Подделал документы, обвинил в нарушении врачебной этики. Я потерял лицензию на два года. Клинику. Имя. — он смотрит на меня в упор. — Всё, что я строил десять лет, твой папаша разрушил за один день.

Я молчу.

Потому что я не знала.

Потому что я ничего не знаю об отце. Кроме того, что он меня не любит и что у него новая жена каждый год.

— Так что, Ева, — Лев наклоняет голову, и его улыбка становится хищной. — Ты не первая, кто шантажирует меня сексом. И наверняка не последняя. Но для меня это личное. Я хочу предложить тебе. Я наслышан о твоих методах. Так что это будет пари на то, кто из нас сдастся первым.

— Пари? — переспрашиваю я севшим голосом.

— Да. Пари, — он встаёт и подходит к окну. За стеклом — чернота и редкие снежинки, которые ветер гонит по пустынному двору. — Директор Громов — мой старый друг. Он предложил спор. Если я смогу заставить тебя проработать твои травмы, без шуток — то ты остаёшься здесь ещё на

два года и выполняешь все мои задания. А если нет, я увольняюсь, и ты едешь к папочке победительницей. Я предлагаю тебе поднять ставки. Мы будем с тобой заниматься. Во время сеансов ты можешь попробовать использовать свои трюки. А я буду использовать свои. Кто первый признается, что это больше для него не игра, тот проиграл.

Я сглатываю.

В груди что-то ёкает — то ли страх, то ли предвкушение. — А если я откажусь?

— Тогда я прямо сейчас звоню твоему отцу и рассказываю, как ты шантажировала меня сексом. — Он достаёт из кармана пиджака телефон. — Думаешь, он обрадуется? После того, как ты уже опозорила его трижды? Он отправит тебя в психушку, Ева. Не в интернат. В настоящую закрытую клинику. С уколами и смирительными рубашками.

Я бледнею.

Потому что знаю — он не врёт. Отец однажды уже угрожал мне «клиникой для нервных». После того, как я разбила его новую «Феррари» о дерево. С тех пор я нахожусь под постоянным наблюдением.

— Ты, — мой голос дрожит, и я ненавижу себя за эту дрожь. — Ты монстр.

— Нет, — Лев убирает телефон и делает шаг ко мне. — Я мужчина, у которого отняли всё. И я хочу только одного — справедливости. Твой отец должен заплатить. А ты станешь моим орудием мести, Ева. Не потому, что я злой. А потому,

что ты сама пришла ко мне посреди ночи.

Я смотрю на него.

На его широкие плечи, на седые виски, на эту ужасную, страшную, притягательную улыбку.

— И что я получу, если выиграю? — спрашиваю я тихо.

— Свободу, — отвечает он. — Я уйду. Ты останешься. Я больше никогда не появлюсь в твоей жизни.

— А если проиграю?

— Тогда ты становишься моей. Моей пациенткой. Целиком моей, — он говорит это так просто, будто речь идёт о чашке кофе. Замолкает и проводит языком по верхней губе. — Я буду ломать тебя, Ева. Но не так, как ты думаешь. Я не буду тебя насиловать. Я не буду тебя бить или кричать. Я сделаю так, что ты сама приползёшь ко мне и попросишь сделать с тобой все, что я захочу.

— О чём попрошу? — шепчу я.

— О том, о чём ты мечтаешь каждую ночь, когда просыпаешься в холодном поту. О том, чтобы кто-то тебя пожалел. Чтобы кто-то сказал: «Ты не одна».

Я чувствую, как слёзы подступают к горлу.

Чёрт!

Он меня раскусил. Полностью. Гребаный профессионал.

— Я согласна, — слышу я свой голос. — Но только потому, что ты всё равно проиграешь. Я отлично играю.

— Посмотрим, — Лев протягивает мне руку. Большую, горячую, с длинными пальцами. — Давай скрепим договор.

Я пожимаю его ладонь.

Искра. Настоящая, электрическая искра пронзает моё запястье, поднимается по руке, ударяет в сердце.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня.

Мы оба знаем, что это только начало.

— Кстати, — говорю я, не отпуская его руки. — Ты упомянул, что твою карьеру разрушили пять лет назад. Но сейчас у тебя есть работа. Деньги. Тачка. Кто тебе помог?

Он хмурится.

— Не твоё дело, Морозова.

— Ошибаешься, — я выпускаю его руку и отступаю к двери. — Если мы теперь играем друг с другом, я хочу знать твои карты. Где ты был эти пять лет? Чем занимался? Кто твой друг в этом городе, который нашёл тебе место в интернете?

Лев молчит.

— Ты боишься, — говорю я. — Ты боишься, что я раскопаю что-то, чего ты не хочешь показывать.

— Иди спать, Ева, — его голос стал ледяным. — Завтра в восемь утра у меня. Будем серьезно работать. Не опаздывай.

— А если опоздаю?

— Тогда ты проиграла пари, так и не начав играть.

Я фыркаю.

— Не дождёшься.

Выхожу в коридор и прикрываю дверь. Прислоняюсь к стене. Слышу, как внутри кабинета что-то падает — может

быть, он ударил кулаком по столу. Или просто уронил ручку.

Моё сердце колотится где-то в горле.

Лев Тихонов. Психолог. Тот, кого уничтожил мой отец.

И я только что заключила с ним сделку.

Боже, какая же я идиотка.

— Ева? — Кристина выглядывает из нашей комнаты. — Ты чего на холодном полу стоишь? Опять приступ самоби-
чевания?

— Отвали, — бормочу я, но беззлобно.

Захожу в комнату, падаю на кровать и смотрю в потолок.

Завтра в восемь утра я должна прийти к нему.

Или не должна?

Я достаю телефон. Пишу сообщение отцу: «Папа, у меня
новый психолог. Он меня домогается».

Отправляю.

Через минуту приходит ответ: «Ты опять врёшь?»

«Нет. Правда. Он ко мне приставал. Я могу доказать».

«Докажешь — позвоню директору. Нет — посажу тебя
под домашний арест на месяц. Без интернета, друзей. По-
едешь к дальней родне в деревню. Последнее предупрежде-
ние».

Я сжимаю телефон.

Вру я. Конечно, вру. Но, может, если я сделаю вид, что он
домогался, он испугается и уйдёт сам. Не придётся играть в
его дурацкое пари.

Я засыпаю с этой мыслью.

И, как всегда, в три часа ночи просыпаюсь от кошмара.
Бассейн. Тёмная вода. Я тону.

Но сегодня впервые за много лет тень наверху не исчезает.
Она протягивает руку.

И я вижу лицо.

Лев Тихонов. Какого хрена? Как он пробрался в мой сон?!

Глава 3. Утро серого волка

Интернат «Северный Кедр». 7:15 утра

Я ненавижу будильники.

Нет, не так. Я ненавижу будильники, которые звенят в полседьмого утра после ночи, когда ты проснулась в три и больше не сомкнула глаз. Я ненавижу серое сибирское небо, которое лезет в окно, как назойливый попрошайка. Я ненавижу холодный пол, по которому нужно идти в душ, где вода закончится через три минуты.

И больше всего я ненавижу Льва Сергеевича Тихонова, который назначил мне сеанс на восемь утра.

— Вставай, принцесса, — Кристина уже одета, накрашена и жуёт печенье, рассыпая крошки на мою подушку. Не опоздай к новому психологу.

— Отстань, — я зарываюсь лицом в подушку. — Пусть пристрелит меня. Всё лучше, чем слушать его голос.

— О, а что с его голосом? Он низкий, с хрипотцой, от которой сразу хочется кончить? — Кристина садится на край кровати и подбирает ноги по-турецки.

Я высовываю нос из-под подушки.

— Ты больная, Кристи.

— А ты нет? — она смеётся. — Ты вчера из его кабинета вышла красная, как рак. Он тебя трахнул, что ли?

— Я бы не стала так низко падать, — вру я, потому что на

самом деле мне хочется укусить себя за язык, когда я вспоминаю его пальцы на моём подбородке. — Он козёл. Самонадеянный, хладнокровный козёл с татуировкой на шее.

— Тату? — Кристина подпрыгивает. — Какая? Что там?

— Не знаю. Не рассматривала. — Я сажусь и тру глаза. — Слушай, дай мне пятнадцать минут, ладно?

— Ладно, — она встаёт. — Но знаешь что? Если ты его уволишь, я с тобой разговаривать не буду. Этот интернат хоть немного украсился с его появлением. Ты видела его задницу?

— Кристина!

— Что? Правду говорю. У всех мужиков здесь задницы как у коров. А у него — орех. Два ореха, — она подмигивает и выходит из комнаты, напевая какую-то попсу.

Я падаю обратно на подушку.

Орехи.

Боже, за что мне это?

Душ. 7:30 утра.

Вода ледяная, как и всегда. Я стою под струёй, считая секунды, и пытаюсь привести мысли в порядок.

Лев Тихонов. Психолог. Бывший военный. Знает моего отца. Ненавидит моего отца. И хочет использовать меня как оружие мести.

Всё это звучит как сценарий дешёвого триллера, который крутят по телевизору в три часа ночи.

Но вчера, когда он подошел близко, сжал мой подбородок,

пожал руку, я почувствовала это.

Жар.

Не тот жар, который бывает от стыда или злости. Другой. Тот, от которого увлажняется между ног и немеют кончики пальцев.

Я закрываю глаза и представляю его лицо. Серые глаза с пустотой внутри. Шрамы на скулах. Улыбку хищную, опасную.

— Нет, — говорю я вслух. — Ева, нет. Он враг. Он хочет тебя уничтожить.

Но когда я тру гель для душа по животу, мои руки опускаются ниже, и я кусаю губу, думая о том, как бы это сделал он.

Грубо. Медленно. Не спрашивая разрешения.

Я мотаю головой и включаю ледяную воду на полную. Пусть замёрзну. Пусть простыну. Хоть это отвлечёт от мыслей о чёртовом психологе.

Столовая. 7:50 утра.

Я вхожу в зал в школьной форме — белая блузка, серая юбка, галстук я ношу, только когда директор устраивает проверки. Волосы ещё мокрые, и капли падают на плечи.

В столовой человек тридцать. Кто-то спит над тарелкой с овсянкой, кто-то громко смеётся, бросаясь хлебом.

Я беру поднос и иду к раздаче.

— Овсянка без сахара, компот и бутерброд с сыром, — говорю я тёте Зине, которая сегодня в красном фартуке и похожа на злую Красную Шапочку.

— Ай, Морозова, — она косится на меня. — А где твоя улыбка? Опять никого не шантажировала сегодня?

— Ещё не успела, — улыбаюсь я. — Доброе утро, тётя Зина. Вы сегодня прекрасно выглядите. Этот фартук очень идёт к вашему характеру.

— К характеру? — она хмурится.

— Да. Такой же красный, как у вас глаза по утрам, — я беру поднос и быстро отхожу, пока она не плюнула в компот.

Сажусь за дальний столик, у окна с видом на лес. Голые деревья, снег, серое небо. Красота. Прямо открытка из замерзшего ада.

— Ева! — ко мне подбегает Кирилл. Рыжий, веснушчатый, с вечной улыбкой идиота. — Ты слышала? Новый психолог!

— И?

— Он бывший военный! — Кирилл садится напротив и тырит мой бутерброд. — Ты его видела?

— Видела, — я отбираю бутерброд обратно. — Он страшный и злой. Не советую с ним связываться.

— А вот Кристина сказала, он секси.

— Кристина готова лечь под каждого, кто пройдет мимо.

— Ты язва, — Кирилл смеётся. — Знаешь, из-за этого твоего острого языка тебя никто не любит.

— А я и не хочу, чтобы любили, — пожимаю плечами. — Любовь — это когда тебя бросают в интернате и забывают, как зовут.

Кирилл замолкает и смотрит на меня с непривычной серьёзностью.

— Эй, — говорит он тихо. — Ты в порядке?

— Я всегда в порядке, — встаю из-за стола. Не могу есть.
— Пойду к психологу. Надеюсь, он заорет на меня, и меня выгонят.

— Удачи, — кричит он в спину.

Кабинет психолога. 7:59 утра.

Я стою под дверью, разглядывая новую табличку.

«Лев С. Тихонов. Клинический психолог».

Дверь закрыта. Я слышу внутри шаги тяжёлые, уверенные. Он ходит по кабинету туда-сюда, как зверь в клетке.

Стучу.

— Войдите, — его голос звучит глухо, и мурашки бегут по моим рукам. Чёрт бы побрал этот голос.

Захожу.

Вчера я была здесь ночью, в пижаме, босиком, с мокрыми волосами. Сегодня всё иначе. Солнечный свет пробивается сквозь жалюзи, рисуя полосы на полу. Пахнет кофе и кожей от новой мебели.

Лев стоит у окна, спиной ко мне. Сегодня на нём чёрная водолазка с высоким воротом (которая скрывает татуировку, чёрт бы её побрал) и серые брюки. Руки скрещены на груди.

— Ты опоздала на минуту, — говорит он, не оборачиваясь.

— У тебя часы спешат, — я захлопываю дверь и сажусь

в кресло для пациентов. Мягкое, удобное. — Сейчас ровно восемь.

Он поворачивается.

Серые глаза сегодня светлее. Под ними круги. Он что, тоже не спал?

— Ты не надела галстук, — замечает он, окидывая меня взглядом. — В уставе интерната сказано, что форма обязательна.

— Я его потеряла.

— Врешь.

— Не надо на меня давить, — выдавливаю я. — У меня слабые нервы.

— У тебя не слабые нервы. У тебя хроническая бессонница, панические атаки и посттравматическое расстройство, — он берёт со стола планшет и открывает какой-то файл. — Твой кошмар. Расскажи мне о нём.

— Не хочу.

— Это не обсуждается, — его голос становится твёрже. — Ты проиграла пари ещё до начала, Морозова. Или работаешь честно, или я звоню отцу.

— Шантажист, — шиплю я.

— Итак. В твоих файлах часто про один и тот же сон говорится. Бассейн. Когда он появился?

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю в потолок.

— После смерти матери, — говорю я тихо. — Мне было пять. Я не помню, чтобы мы ходили в бассейн. Но этот сон

приходит снова и снова. Я в воде. Тёмной. И надо мной кто-то стоит. Тень.

— Ты видишь лицо?

— Нет. — Вру. Потому что сегодня ночью я его увидела. Его лицо.

Он что-то записывает в планшете. Пальцы длинные, быстрые.

— Ты когда-нибудь тонула в детстве?

— Нет. Я плаваю как рыба. Папа отдал меня в секцию в пять лет, чтобы я не боялась воды. — Я усмехаюсь. — Ирония, да? Тону в кошмарах, но наяву могу переплыть Босфор.

— Ты плавала в Босфоре?

— А ты думал, я всё время в интернате сижу? — я встаю и начинаю ходить по кабинету. — Я объездила полмира, Тихонов. Папа возил меня везде, куда летал по делам. Париж, Лондон, Дубай, Сингапур. Я видела океанариумы, дельфинирии, аквапарки. Но бассейн в моём сне — не такой, как в этих местах. Он старый. Плитка жёлтая. И пахнет хлоркой и чем-то сладким.

— Сладким? — Лев поднимает бровь.

— Да. Как... как духи. Моей матери. — Я останавливаюсь у его стола и смотрю на него сверху вниз. — Доволен? Я рассказала.

— Очень, — он снова что-то пишет. — Сегодня мы попробуем технику перепроживания. Закрой глаза.

— Не закрою.

— Закрой, Морозова, или я закрою их сам.

— И чем ты их закроешь? Пальцами? Губами?

Он медленно поднимает голову, и я вижу, как в его глазах вспыхивает что-то опасное.

— Губами? — повторяет он, и его голос становится тем самым, вчерашним — низким, вкрадчивым, вибрирующим.

— Хочешь проверить?

Моё сердце делает кульбит.

— Ты не посмеешь, — шепчу я, но мои ноги подкашиваются, и я опираюсь рукой на стол.

— Я много чего не посмею, Ева. — Он встаёт. Очень медленно. Так, что я чувствую каждый сантиметр его тела. — Я не посмею сказать, что хочу тебя с той секунды, как ты ввалилась в мой кабинет в пижаме, с мокрыми волосами и наглой улыбкой. Я не посмею сказать, что от тебя пахнет леденцами, и это сводит меня с ума.

— Прекрати, — я отступаю назад, упираюсь в стену. — Это часть твоего плана. Ты хочешь, чтобы я проиграла.

Он приближается. Теперь между нами полшага.

— Ты права, это план. Ты сегодня не спала из-за кошмара или из-за меня?

— Что?

— Твой кошмар, — он останавливается в сантиметре от меня. Я чувствую жар его тела, запах кофе, кожи, чего-то пряного. — Сегодня ты увидела в нём меня, да? Потому что думала обо мне перед сном. Ты не можешь перестать обо мне

думать, да?

— Это не... — я задыхаюсь. — Это неправда.

— Не ври мне, — его пальцы касаются моего подбородка, как вчера. — Ты проснулась ночью. Лежала с открытыми глазами и представляла, как бы я тебя поцеловал. Нежно или грубо? Так, чтобы ты забыла своё имя.

— Ты не можешь читать мои мысли.

— Могу. Твоё лицо — открытая книга, — он наклоняется, и его губы оказываются в миллиметре от моих. — Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал. Но боишься сказать, потому что тогда пари будет проиграно. А если я сам тебя поцелую — я нарушу профессиональную этику. И ты победишь.

Я молчу, потому что это правда.

— Но ты не расскажешь отцу, — шепчет он. — Потому что тебе понравится. И ты будешь приходить снова и снова, чтобы я тебя целовал. И в конце концов попросишь меня о большем.

— Ты самоуверенный козёл, — выдыхаю я.

— Я мужчина, который точно знает, чего хочет, — он отстраняется. Делает шаг назад, и я чувствую, как холодный воздух заполняет пространство между нами. — Садись в кресло. Сеанс не закончен.

Я падаю в кресло, потому что ноги больше не держат.

Дрожу. Внутри всё горит, и я ненавижу его за то, что он сделал со мной.

— Ты специально это делаешь? — спрашиваю я. — Ты

хочешь, чтобы я сорвалась?

— Я хочу, чтобы ты была честной, — Лев садится в своё кресло и сцепляет пальцы замком. — С собой в первую очередь. Ты не хочешь уезжать из интерната. Ты хочешь, чтобы кто-то остался с тобой. Чтобы кто-то не бросил тебя, как отец. Как мать. Как все, кого ты знала.

— Заткнись, — мой голос срывается.

— Не заткнусь, — он перегибается через стол и сжимает мою руку. Пальцы горячие, сухие, сильные. — Я здесь, Ева. Я не уйду, даже если ты попросишь. Я буду приходить каждое утро в восемь. Я буду задавать неудобные вопросы. Я буду злить тебя. Но я не брошу. Запомни это.

Я смотрю на наши сплетённые руки.

— Ты странный, — говорю я. — Психолог не должен трогать пациентов.

— Это допустимое прикосновение, — он отпускает мою руку. — И я хочу выиграть пари.

— Проиграешь, — уверяю я, вставая.

— Посмотрим. — Он тоже встаёт и идёт к двери. — Завтра в восемь. Не опаздывай. И надень галстук.

— А если не надену?

— Тогда я сниму с тебя юбку и отшлепаю как следует. Так, что ты сидеть не сможешь, — говорит он без улыбки.

Я замираю на пороге.

— Ты не посмеешь.

— Ева, — он наклоняется к моему уху, и его дыхание об-

жигает шею. — Я уже говорил. Я посмею всё. Иди.

Я вылетаю в коридор, как пробка из шампанского.

Прижимаюсь спиной к стене и чувствую, как сердце колотится где-то в горле.

Между ног влажно. Щёки горят. Руки трясутся.

Боже.

Я влипла.

Я влипла по-настоящему.

Глава 4. Игры с огнём

Интернат «Северный Кедр». 9:15 утра. Среда.

Я вбегаю в комнату, как ошпаренная, и врезаюсь в Кристину.

— Ой! — она хватается за ушибленную грудь. — Ты чего, сдурела?

— Ты от него, да? — Кристина подмигивает. — Знаешь, Ева, если ты его трахнешь, интернат станет лучшим местом на земле. Мы будем называть тебя «первая леди» и носить на руках.

— Никого я не буду трахать, — отрезаю я, но щёки горят так, что можно яичницу жарить. — Он козёл. Он меня провоцирует.

— На что провоцирует?

— На... — я замолкаю. Не рассказывать же ей, что он был в миллиметре от моего лица и обещал поцеловать меня, если я сама захочу. — На эмоции. Он хочет, чтобы я сорвалась и ударила его. Тогда он выиграет пари.

— Какое пари?

Я вздыхаю.

Прохожу мимо Крис и падаю на кровать.

— Мы поспорили, — говорю я в потолок. — Если я заставлю его уволиться — я уезжаю в Москву. Если он заставит меня извиниться перед ним на коленях — я остаюсь здесь

ещё на полгода.

— На коленях? — Кристина садится рядом и хлопает ресницами. — Ева, это же мечта любой девушки. Встать на колени перед таким мужиком

— Ты больная, — повторяю я.

— А он что, некрасивый? — она загибает пальцы. — Высокий. Плечистый. С руками, которые явно знают, что делать. Голос как вибратор. Татуха, шрамы. И этот взгляд — она вздыхает. — Знаешь, когда он на меня посмотрел в столовой, я чуть вилку не проглотила.

— Он на тебя посмотрел?

— Да. Спросил, где взять чёрный перец. Я ответила, что у тёти Зины, и спросила, не хочет ли он мой номер телефона.

— Кристина!

— А что? Я за словом в карман не лезу, — она улыбается. — Он засмеялся. Ну, почти. Уголок губ дёрнулся. Сказал: «Я запомню, Кристина. Но пока мне нужен только перец».

— Значит, ему не нужен твой номер, — я чувствую странное облегчение. И тут же злюсь на себя за это.

— Значит, ему нужен чей-то другой номер, — Кристина смотрит на меня многозначительно. — Например, той, кто бежит по ночам в пижаме.

— Заткнись.

— Не хочу. Слушай, Ева, — она становится серьёзной. — Я тебя знаю три месяца. Ты всех мужиков здесь ненавидела. А этого ты боишься. Но боишься не так, как остальных. Ты

боишься, что он тебе понравится.

Я молчу, потому что это правда.

— Ладно, — я встаю. — Мне нужно придумать, как его уволить.

— Зачем?

— Чтобы выиграть пари, дурочка. Я хочу в Москву.

— Ты хочешь не в Москву, — Кристина качает головой.

— Ты хочешь сбежать от него. Потому что если останешься, то влюбишься.

— Я не влюбляюсь. У меня аллергия на любовь. Чихаю и покрываюсь сыпью.

— Врёшь, — Кристина смеётся. — Ладно, иди, придумывай свой коварный план. А я пока пойду узнаю у Кирилла, где он хранит запасные ключи от кабинета.

— Зачем тебе ключи?

— На всякий случай, если ты его не хочешь, заберу себе!

— Она подмигивает и выходит.

Я остаюсь одна.

Валяюсь на кровати и смотрю в потолок.

Что я могу сделать, чтобы он уволился?

Вариант первый: сказать отцу, что он меня домогался. Но для этого нужны доказательства. Свидетели. Аудиозапись. Я могла бы записать наш следующий разговор на телефон.

Но что, если он ничего не будет делать? Что, если он снова будет стоять в метре и только смотреть?

Вариант второй: спровоцировать его прилюдно. Чтобы

кто-то увидел, как он ко мне прикасается. Например, на обеде. Я могу подойти к нему и поцеловать. А потом закричать, что он меня принуждает.

Ладно, это грязно. Даже для меня.

Вариант третий: найти его слабое место. Всегда есть что-то, чего человек боится. Чего же он боится? Я видела, как он сжал челюсть, когда я сказала про татуировку. Может, там что-то важное?

Я вздыхаю.

Слишком сложно. Проще взять и сделать так, чтобы он сам захотел уволиться.

Как?

Например, устроить скандал. Привести в кабинет полицию. Сказать, что он хранит наркотики.

Но это опасно. Если проверка ничего не найдёт, меня посадят за ложный донос. Отец не станет вытаскивать.

— Чёрт, — бормочу я. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Мне нужен план.

Простой. Гениальный. Идиотский.

Столовая. 13:15 дня

Обед. В меню — суп с фрикадельками (фрикадельки плавают в жидкости, как утопленники), гречка с котлетой (котлета чёрная, как душа тёти Зины) и компот из сухофруктов.

Я сажусь за столик в углу, чтобы никто не мешал. Передо мной лежит список:

«План мести психологу»

1. Узнать, что он боится.
2. Использовать это против него.
3. Заставить его уволиться.
4. Выиграть пари.
5. Уехать в Москву и больше никогда не вспоминать этот ужасный интернат.

Пункты гениальные. Осталось понять, что он боится.

— Ева, — Кирилл плюхается рядом с подносом, на котором возвышается гора еды. — Ты чего такая задумчивая? Опять строишь план мирового господства?

— Да, — я переворачиваю список. — Хочу свергнуть директора и посадить на его место хомячка. Будешь его заместителем?

— А что, хомячок теперь лучше меня? — Кирилл жуёт котлету, и изо рта вылетают крошки.

— Любое животное лучше. Даже таракан.

— Согласен, — Кирилл глотает и наклоняется ко мне. — Слушай, я тут кое-что разузнал про нашего нового психолога.

Я напрягаюсь.

— Что именно?

— Он холост. Не женат. Детей нет. Живёт один. Но самое интересное — у него есть оружие.

— Откуда ты знаешь?

— Видел, когда он въезжал. В багажнике «лексуса» лежал чёрный кейс. Мой отец — охотник. Я знаю такие кейсы. Там

либо оружие, либо деньги. — Кирилл смотрит на меня с видом Шерлока Холмса. — Я думаю, он не просто психолог. Может, он наёмник?

— Ты слишком много смотришь боевиков, — отмахиваюсь я, но внутри что-то ёкает.

Оружие. Почему у психолога оружие?

— Ещё он каждый вечер выходит на пробежку, — продолжает Кирилл. — В десять вечера. Я видел из окна. Один бежит в лесу, без фонарика.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Думаешь, он там с кем-то встречается? Может он шпион?

— Кирилл, ешь свою котлету, — я встаю. — И прекрати следить за людьми. Это неприлично.

— А ты сама? — он улыбается. — Ты же первая побежала к нему в кабинет ночью.

— Я по делу, — отрезаю я и ухожу, оставляя его дожевывать.

Выхожу в коридор и сталкиваюсь с тётей Зиной, которая несёт поднос с грязной посудой.

— А, Морозова, — она косится. — Твой психолог сегодня к нам в столовую обедать не пришёл. Сказал, что будет есть в кабинете.

— Мне всё равно, тётя Зина.

— А ему, может, и не всё равно. Он про тебя спрашивал. Я замираю.

— Что спрашивал?

— Ну, сказал: «Как вам Морозова, нравится?» Я ответила: «Та ещё змея». А он засмеялся. Сказал: «Значит, мы поладим».

— Я не змея, — обижаюсь я.

— Змея, змея, — тётя Зина проходит мимо. — Но красивая. Как кобра.

Я остаюсь стоять в коридоре.

Он про меня спрашивал. У тёти Зины.

Зачем? Это часть игры?

Вечер. 19:00

После ужина я возвращаюсь в комнату. Кристина сидит на кровати и читает.

— Как прошёл день? — спрашивает она, не поднимая головы.

— Отвратительно.

— Это ты про психолога?

— Я про всё, — я падаю на кровать. — Кристи, а что ты думаешь о людях, которые бегают в лесу ночью?

— Что они идиоты. Или оборотни, — Она откладывает вязание. — А почему ты спрашиваешь?

— Кирилл сказал, что наш Тихонов каждую ночь бегают в лесу. Без фонарика.

— Может, у него в лесу женщина? — Кристина пожимает плечами. — Или он хочет, чтобы его съел медведь. Знаешь, некоторые так кончают жизнь.

— Ты жестокая.

— Я реалистка, — она встаёт и подходит к окну. — Слушай, а может, нам самим сходить в лес? Ночью? Посмотреть, что он там делает?

— Ты с ума сошла. Там минус двадцать.

— Ну и что? Мы оденемся тепло. Возьмём фонарики. И будем как настоящие шпионки.

— Мы не шпионки. Мы две дуры, которые замёрзнут на смерть ради того, чтобы увидеть, как мужик бежит трусцой.

— Зато весело, — Кристина улыбается. — Ева, когда ты в последний раз делала что-то весёлое? Не для того, чтобы позлить отца или уволить учителя. А просто так, потому что хочется?

Я задумываюсь.

— Давно.

— Вот видишь. — Она берёт меня за руку. — Давай сегодня ночью.

Командуют отбой. Мы выключаем свет, ложимся и делаем вид, что спим.

Думаю о Льве. О его глазах. О его пальцах на моём подбородке. О том, как он сказал: «Я не уйду, даже если ты попросишь».

Что это значит?

Он не уйдёт. Он будет здесь. Каждое утро.

Я закрываю глаза и чувствую, как внутри разливается тепло.

00:07. Лес

— Я ненавижу тебя, — шепчу я, продираясь сквозь сугробы. — Я ненавижу тебя, твою мать, твоего отца и твою дурацкую идею.

— Тихо, — шипит Кристина, идущая впереди с фонариком. — Он где-то здесь. Я видела свет.

— Какой свет? Он без фонарика бегает.

— Ну, может, у него налобный фонарик. Или глаза светятся в темноте. Откуда я знаю?

Мы углубляемся в лес. Снег хрустит под ногами, ветки цепляются за куртки. Холод такой, что слёзы замерзают на ресницах.

— Кристи, — стучу зубами. — Если мы сейчас умрём, я буду преследовать тебя в виде привидения.

— Договорились, — она останавливается и поднимает руку. — Смотри.

Впереди метрах в двадцати мелькает тень. Высокая, широкоплечая, бежит легко, как будто не по снегу, а по асфальту.

— Это он, — шепчет Кристина. — Боже, какой он быстрый.

— Давай подойдём ближе, — предлагаю я.

— Ты с ума сошла? Он нас заметит.

— Заметит, если мы будем шуршать. Давай сядем за те кусты.

Мы ползём к кустам, как две разведчицы на вражеской

территории. Снег забивается под куртки, варежки промокли, ноги начинают неметь.

— Я больше никогда не пойду с тобой в разведку, — бормочет Кристина.

— Это была твоя идея!

Тень останавливается.

Лев стоит под сосной, тяжело дыша. Пар вырывается изо рта. Он в чёрном спортивном костюме, без шапки, без перчаток.

— Он что, не мёрзнет? — шепчет Кристина. — У него кровь с антифризом?

— Не знаю, — я смотрю на его профиль, освещённый лунной. У него острые скулы, прямой нос, губы, которые... стоп. Ева, не смей.

Он вдруг поворачивает голову прямо в нашу сторону.

— Выходите, — говорит громко. — Я вас вижу.

Мы замираем.

— Может, он не нам? — шепчет Кристина.

— Вам, Кристина.

Я выдыхаю.

Встаю, отряхиваюсь и выхожу из-за кустов. Кристина плетётся за мной, красная как рак.

— Привет, — говорю я. — Красивая ночь для пробежки, правда?

— Что вы здесь делаете? — он скрещивает руки на груди. Мышцы перекачиваются под тканью. Я стараюсь не смот-

реть.

— Гуляем, — вставляет Кристина. — Дышим свежим воздухом. Доктор сказал, что нам полезно.

— Вы шпионите за мной, — говорит Лев без эмоций. — Зачем?

— Мы не шпионим, — вру я. — Мы просто искали грибы.

— В лесу. Ночью. Под снегом. Грибы, — он медленно кивает. — Амбициозно.

— У нас богатое воображение, — Кристина улыбается своей самой обворожительной улыбкой. — Лев Сергеевич, вы так быстро бегаете. Вы спортсмен?

— Я военный, — он переводит взгляд на меня. — В отставке. А вы, девочки, нарушаете комендантский час. Завтра доложу директору.

— Не надо, — выпаливаю я. — Мы больше не будем.

— Не будете? — он делает шаг ко мне, и я чувствую запах его одеколona. — Ты, Ева, будешь делать то, что захочешь. Как всегда. Просто в следующий раз, когда захочешь за мной следить, делай это тихо. Вас слышно за километр.

— Мы старались, — обиженно говорит Кристина.

— Недостаточно, — Лев смотрит на неё. — Кристина, иди в интернат. Мне нужно поговорить с Евой.

Кристина открывает рот, чтобы возразить, но потом, видимо, понимает, что спорить с ним бесполезно.

— Ладно, — она разворачивается. — Ева, если ты через полчаса не вернёшься, я вызову полицию.

— Не вызовешь, иначе директор узнает, чем вы по ночам занимаетесь, — бросает Лев. — Иди.

Кристина уходит по дороге, хрустя снегом и оглядываясь. Мы остаёмся вдвоём.

Луна светит ярко, освещая поляну. Я вижу каждую морщинку на его лице, каждую седую прядь, каждый шрам.

— Зачем ты пришла? — спрашивает он.

— Хотела узнать, что ты делаешь по ночам.

— Бегаю. Это помогает мне не сходить с ума.

— Ты и так безумный, — говорю я.

— Возможно, — он садится на поваленное дерево и хлопывает рядом. — Садись.

— Холодно.

— Тогда постой, — он смотрит на небо. — Ты когда-нибудь видела звёзды в Сибири? Они ярче, чем в городе.

Я поднимаю голову.

Миллиарды огней. Таких ярких, что кружится голова.

— Красиво, — шепчу я.

— Да, — он поворачивается ко мне. — Почему ты не спишь по ночам, Ева?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.